

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ

И. Л. Бахтина

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА В ШКОЛАХ КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 1920-Х ГГ.

Проблемы профилизации общеобразовательных школ всегда были в центре внимания государства, особенно это касается сельских учебных заведений. На основе современных подходов к изучению истории народного образования, используя новые источники, в т. ч. архивные, автор статьи обосновывает выводы о преемственности форм государственной политики в осуществлении общеобразовательной и профессиональной подготовки крестьянской молодежи и в то же время показывает особенности политики большевистского руководства системой просвещения.

Проблемы развития общеобразовательной школы на Урале рассматривались уральскими историками разных периодов. Не остались вне внимания исследователей и проблемы развития общеобразовательных школ повышенного типа. Сеть средних школ на Урале в 1920-е гг. развивалась сложными путями и была представлена разными типами школ (семилетками, девятилетками, школами II ступени, школами крестьянской молодежи). Из приведенного перечня особый интерес для нас представляют школы крестьянской молодежи (ШКМ), создаваемые, как следует из названия, именно для крестьянских детей. ШКМ должны были обеспечивать получение крестьянской молодежью семилетнего образования и некоторых профессиональных навыков по ведению сельского хозяйства.

Создавая советскую систему народного образования, руководство страны вольно или невольно использовало опыт, накопленный Россией в предшествующий исторический период.

Среди работ, посвященных изучению данного вопроса, следует отметить в первую очередь труды В. Г. Чуфарова и П. В. Гришанова [21]. Однако исследования этих авторов, как и подавляющее большинство публикаций советского периода, носили историко-партийный характер, основное внимание в них уделялось вопросам партийного руководства, хотя изучение данной проблемы не могло обойтись без рассмотрения различных сторон жизни и деятельности самой школы и всех ее звеньев. Считаем, что в связи с более свободным доступом в наше время к архивным материалам в процессе работы над ними мы можем прийти к выводам, отличным от тех, к которым пришли В. Г. Чуфаров и П. В. Гришанова.

Цель данного исследования – выяснить, имелся ли подобный опыт для создания ШКМ или руководству страны пришлось начинать строительство школ данного типа с чистого листа и когда на Урале появляются первые школы крестьянской молодежи.

Школы крестьянской молодежи начали создаваться в стране с 1922/23 уч. г. Данные учебные заведения, преимущество которых быстро оценило трудовое крестьянство, были абсолютно новым типом общеобразовательных школ. Они отличались от уже имеющихся низших сельскохозяйственных профшкол тем, что давали крестьянам общие знания по основам сельскохозяйственного производства, подготавливая культурного, всесторонне грамотного земледельца, в то время как сельскохозяйственная профшкола готовила специалистов той или иной квалификации для отдельных отраслей хозяйства. Однако, как свидетельствуют исследования А. А. Сафронова, идея школ подобного типа была не нова [11]. В 1880–90-х гг. на Урале уже формировалась сеть двух-пятигодичных низших сельскохозяйственных школ общего и специального характера. В школы первого разряда принимались подростки, знавшие программу в объеме двухклассных сельских училищ, в школы второго разряда – в объеме курса начальных народных училищ. При некоторых сельскохозяйственных училищах действовали подготовительные классы. В общих школах могли преподавать лишь лица с высшим и средним сельскохозяйственным образованием, в специальных – и практики. Сельскохозяйственные школы действовали при финансовой поддержке местных земств, некоторые – исключительно за их счет. Большинству учащихся выплачивались стипендии, почти все они были из крестьян, многие приехали учиться из окрестных сел [11].

Что представляли собой школы крестьянской молодежи 1920-х гг., чем они были похожи на дореволюционные сельскохозяйственные училища и в чем были отличия между ними?

На Урале, по мнению В. Г. Чуфарова, первые школы крестьянской молодежи возникли в 1924 г. [20]. Мы же склонны считать, что 1924-й был годом, когда Уральская партийная организация оценила значение ШКМ и отреагировала на факт их появления. Именно в сентябре 1924 г. областное агитпроповещение потребовало от партийных комитетов «усилить внимание к новым школам» [12]. Но еще весной, при составлении годового отчета за период с 1 июня 1923 г. по 31 мая 1924 г., УралОНО затребовал с окружных отделов народного образования информацию о числе просветительных учреждений разных типов, в т. ч. и ШКМ [3]. Это позволяет говорить о том, что, возможно, школы крестьянской молодежи появились раньше, чем это зафиксировано в партийных документах.

Из циркуляра № 117 Наркомпроса РСФСР от 6 июня 1924 г. [1] следует, что управление школами крестьянской молодежи осуществлялось отделом социального воспитания Наркомата просвещения РСФСР. Этот отдел («система

соцвоса») руководил всеми типами общеобразовательных учреждений для детей. ШКМ создавались на базе школ первой ступени с трехгодичным сроком обучения или реорганизовывались из сельских семилеток. Новые учебные заведения для крестьянских детей давали, наряду с общеобразовательным курсом за 5–7-е классы средней школы, простейшие знания по агрономии и зоотехнике. Строительство ШКМ шло двумя путями: организация новых школ этого типа и постепенная реорганизация деревенских семилеток.

Учебный процесс строился на основе программ Главного ученого совета (ГУСа) для семилеток, которые должны были быть приспособлены к местным условиям с учетом, что большинство учащихся бедняки и справиться с программой не смогут.

Учебный год длился 25–28 недель (с октября по апрель и 3 недели летней работы).

Примерное среднее соотношение различных частей учебного плана на неделю выглядело следующим образом:

1. Труд в хозяйстве (время зависит от местных условий).
2. Вопросы сельского хозяйства и его организации – 8 ч.
3. Материалы по биологии, физике, химии – 6–9 ч.
4. Материалы по математике – 2–4 ч.
5. Материалы по родному языку – 4–6 ч.
6. Общественно-политическое образование – 4 ч.
7. Общественно-политическая работа – 4–6 ч.

Обязательным элементом в учебном расписании была общественно полезная работа (4–6 ч в неделю).

Возрастной состав был представлен тремя группами: 13–15 лет, 15–17 лет и далее, причем инструкции предписывали преимущество отдавать младшему возрасту [2].

Органы народного образования с самого начала стремились к тому, чтобы в школы крестьянской молодежи привлекались для учебы дети середняков и бедняков. Детей трудовой интеллигенции полагалось принимать наравне с бедняками, но не более 10% от общего количества учащихся [2]. В воспитанниках школ для крестьянских детей руководство страны видело свою опору в деревне, поэтому становление и развитие школ данного типа проходило под постоянным контролем РКП(б). В мае 1924 г. на XIII съезде РКП(б) перед ШКМ была поставлена задача готовить «новый тип революционного и культурного хлебороба, стремящегося к кооперированию и к коллективной обработке земли». Съезд призывал местные партийные, комсомольские и советские органы поддерживать строительство данных школ. Позднее в «Правде» было опубликовано постановление Оргбюро ЦК РКП(б), в котором указывалось на важность создания ШКМ на селе, на необходимость поддержки их в укреплении материальной базы, в обеспечении кадрами работников [7]. В декабре 1927 г.,

когда уже имелся определенный опыт по развитию школ данного типа, в резолюциях XV съезда ВКП(б) появляется решение расширить сеть школ крестьянской молодежи и принять ряд мер к укреплению в них ядра батрацко-бедняцкой молодежи.

В исследуемый период материальная база школ крестьянской молодежи была еще крайне недостаточной. Это приводило к тому, что учащиеся бросали обучение среди учебного года. Руководство УралОНО было обеспокоено тем, что отсев из школ детей, особенно бедняков и середняков, в течение года был значительным. В связи с этим летом 1926 г. коллегией агитпропотдела Уралобкома ВКП(б) на основании доклада УралОНО была принята резолюция о создании в течение 1926/27 уч. г. при каждой школе стипендиального фонда и общежитий для нуждающихся [13].

Документы свидетельствуют, что ШКМ как тип общеобразовательной школы в сельской местности пользовались поддержкой партийного и советского руководства области. Вопрос расширения сети ШКМ поднимался на пленумах Пермского, Челябинского, Курганского и ряда других окружных комитетов партии [14].

Особое значение для деятельности ШКМ имела помощь комсомольской организации области. III Уральской областной конференцией РКСМ в июне 1924 г. была принята специальная резолюция «О школе крестьянской молодежи», в которой были намечены конкретные формы участия районных комитетов комсомола и комсомольских ячеек в деятельности по поддержке ШКМ [10].

Уралобком РКСМ через средства массовой информации пропагандировал идею создания ШКМ среди крестьянства, учительства, различных организаций.

Крестьянство оказывало всестороннюю помощь новым школам и с большим желанием отдавало своих детей учиться в них. К концу 1924 г. на Урале удалось создать всего лишь 11 ШКМ, в то время как по плану предполагалось открыть по одной на округ, т. е. 15. Повсеместно окружным отделам народного образования приходилось отказывать желающим поступить в школу. В 1924 г. в Юсьвенскую школу было подано 79 заявлений, принято лишь 41. В Звериноголовскую школу смогла поступить только половина желающих [15]. Хотя в 1927/28 уч. г. насчитывалось уже 66 ШКМ с 6,6 тыс. учащихся, развитие их сети продолжало отставать от плановых предложений УралОНО, в этом же году пришлось отказать в приеме 26% желающих [16]. Причины отказа крылись не только в недостаточном количестве школ крестьянской молодежи, но и в том, что ШКМ, как и остальные школы в этот период, переживали серьезные материально-финансовые трудности. Непригодность помещений для занятий, отсутствие интернатов, сельскохозяйственного инвентаря, опытнической базы были серьезными препятствиями для увеличения числа ШКМ и обучения в них крестьянских детей и подростков. Руководство области вынуждено было искать способы укрепления материального положения школ.

Для этого, в частности, предполагалось налаживание сотрудничества с местным населением, местными организациями, использование для практической работы производственной базы кооперации, хозяйств родителей учеников. По согласованию с органами народного образования представители от райкомов партии, комсомола, исполкомов советов вводились в состав школьных советов [17].

Партийно-советские органы стремились к тому, чтобы крестьянские дети были подавляющим контингентом учащихся ШКМ.

Существовало несколько вариантов решения данной проблемы [16]:

- при приеме отдавать преимущество детям бедноты и батраков;
- организовать подготовительные группы для облегчения поступления в ШКМ бедняцко-средняцкой молодежи;
- для закрепления в ШКМ детей бедняков выделять дополнительную материальную помощь нуждающимся;
- создавать при школах интернаты;
- отделам народного образования увеличить средства, отпускаемые на общежития и питание учащихся;
- перераспределять стипендии в пользу бедноты ШКМ.

Благодаря предпринятым мерам социальный состав учащихся ШКМ был более однородным по сравнению с другими типами школ, т. е. бедняцко-средняцким.

В 1927/28 уч. г. ШКМ обслуживали 85% детей крестьян и рабочих, при этом дети кулаков и духовенства исчислялись единицами [6, 7, 8, 9]. Резкими были различия в половом составе учащихся: из общего числа учащихся ШКМ девушки составляли едва ли четвертую часть. Одной из причин такого положения было то, что девушки стремились получить в школе навыки кройки, шитья, домоводства, а школа из-за материальных затруднений и отсутствия преподавателей дать им такой подготовки не могла.

Поскольку школа такого типа была новым явлением в школьном строительстве, то и методы работы с учащимися не могли быть разработаны в короткие сроки. Органам народного образования приходилось искать новые пути с учетом задач, связанных с экономической ситуацией в стране. Наркомпрос постоянно контролировал процесс создания ШКМ, давал рекомендации, издавал специальную литературу, обобщающую опыт на местах. В частности, осенью 1924 г. всем губернским отделам народного образования и губкомам РКСМ был разослан циркуляр НКП № 117 «Основы учебной работы в ШКМ», где давались достаточно подробные рекомендации по организации работы в ШКМ, в т. ч. список необходимой литературы для руководителей и преподавателей создаваемых школ [22, 23, 18].

Основной фигурой образовательного процесса в школе является учитель. От его квалификации и преданности делу зависит успех решения образовательных и воспитательных задач.

По штатному расписанию школам крестьянской молодежи полагались четыре ставки преподавателей общеобразовательных предметов, ставка агро-

нома, ставка инструктора в мастерскую по дереву и металлу, ставка инструктора по кройке, шитью и домоводству. Административный персонал был представлен заведующим школой (ставка), секретарем школьного совета (0,17 ставки). Две ставки предназначались для технического персонала.

Преподавательские оклады устанавливались из расчета 18 ч в неделю по учебному плану образовательных предметов, инструкторские – 24-х недельных ч (причем класс для занятий делился на две группы) [2].

Укомплектовать ШКМ необходимыми кадрами было достаточно сложно. Недостаток преподавателей ощущался повсеместно, тем более что школа для крестьянских детей требовала не только педагогической подготовки, но и сельскохозяйственной. К преподаванию экономических дисциплин привлекались агрономы, они вели всю практическую работу на участках. Однако заполучить для работы в школе такого специалиста было делом нелегким, все агрономы в районе были наперечет. Областное земельное управление постоянно получало заявки следующего содержания: «...дайте агронома-специалиста, местное ЗУ (землеустроительный комитет) не дает» [4]. Часто отсутствие необходимых сельскохозяйственных кадров превращало ШКМ в обычную общеобразовательную школу. Так, в течение лета 1924 г. Ирбитский отдел народного образования запланировал открыть школу крестьянской молодежи, однако обеспечить школу надлежащими кадрами не удалось, школа начала свою работу как семилетка [5].

Таким образом, школы крестьянской молодежи стали не только учебными учреждениями на селе, но и местом постоянной идеологической работы в среде крестьянства, тем более что общественная работа этих школ была направлена не только на пропаганду сельскохозяйственных знаний, но и на общественно-политическое воспитание населения. Согласно учебному плану учащиеся ШКМ должны были вести общественно полезную и общественно-политическую работу среди крестьян [19].

Очевидно, что советские ШКМ и земские сельскохозяйственные школы роднит целая совокупность основополагающих характеристик, а именно: школы создаются специально для крестьянских детей, для поступления в те и другие школы требуется базовое начальное образование, имеются подготовительные группы (классы), нуждающиеся обеспечиваются общежитиями (интернатами), части учащихся выплачивается стипендия, высокие требования предъявляются к педагогическому составу.

Мы склонны считать, что функция общественно-политического воспитания и классовый принцип комплектования ШКМ учащимися были теми единственными чертами, которые отличали дореволюционные земские сельскохозяйственные школы от ШКМ. Другие показатели деятельности школ данного типа: возраст и социальная принадлежность учащихся, исходный образовательный уровень, преподавательские кадры – говорят о преемственности и о том, что большевистское правительство смогло использовать накопленный опыт и авторитет, заработанный земскими школами для крестьянских детей

в течение нескольких предреволюционных десятилетий. Этим и объясняется, на наш взгляд, популярность ШКМ среди крестьян, в силу особенностей своего менталитета настороженно относящихся к любым нововведениям.

Литература

1. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 118, оп. 1, д. 228, л. 12.
2. ГАПО. Ф. 118, оп. 1, д. 211, л. 60.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 233, оп. 1, д. 29, л. 3.
4. ГАСО. Ф. 233, оп. 1, д. 327, л. 4.
5. ГАСО. Ф. 233, оп. 1, д. 96, л. 2.
6. Иорданский Н. Школа крестьянской молодежи // Народный учитель. – 1924. – № 12. – С. 54–61.
7. Карельских А. Через школу к организации крестьянского хозяйства. – М., 1925.
8. Новая школа в деревне. – Л., 1925.
9. Первые шаги школы крестьянской молодежи. – М., 1925.
10. Резолюции и постановления III Уральской областной конференции РКСМ. 20–25 июня 1924 г. – Екатеринбург, 1924. – С. 35–39.
11. Сафонова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. – Екатеринбург, 2002. – С. 78.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4, оп. 2, д. 521, л. 17.
13. ЦДООСО. Ф. 4, оп. 5, д. 1, л. 223; ф. 61, оп. 1, д. 245, л. 54.
14. ЦДООСО. Ф. 4, оп. 3, д. 164, л. 16; д. 169, л. 102; оп. 4, д. 259, л. 48; ф. 6, оп. 1, д. 1074, л. 179.
15. ЦДООСО. Ф. 4, оп. 3, д. 124, л. 12.
16. ЦДООСО. Ф. 4, оп. 4, д. 595, л. 88; д. 291, л. 41; оп. 5, д. 423, л. 39; д. 126, л. 170, 171; ф. 61, оп. 1; д. 357, л. 3.
17. ЦДООСО. Ф. 61, оп. 1, д. 245, л. 73.
18. ЦДООСО. Ф. 61, оп. 1, д. 3, л. 211–216.
19. ЦДООСО. Ф. 61, оп. 1, д. 3, л. 214.
20. Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). – Свердловск, 1970.
21. Чуфаров В. Г., Гришанов П. В. Работы по обеспечению общеобразовательной школы Урала педагогическими кадрами в 1926–1932 гг. // Из истории партийных организаций Урала. – Свердловск, 1966.
22. Шохин А. П. Школа крестьянской молодежи. – М.-Л., 1924.
23. Шохин А., Руднев И. Школа крестьянской молодежи: границы, организация, программы. – М., 1924.